

12. Soros Dzh. Krizis mirovogo kapitalizma. Otkrytoe obshchestvo v opasnosti [The crisis of world capitalism. Open society in danger]. Moscow: INFRA-M, 1999, 262 p.
13. Shevchenko V.N. Modernizacija rossijskogo obshhestva ili osobyj put' razvi-tija [The modernization of Russian society, or a special way to the development]. Sovremennoe gosudarstvo, socium, chelovek: rossijskaja specifi-ka [Modern state, society, people: the Russian specifics]. Moscow: IFRAN, 2010, pp. 102-154.
14. Jasin E.G. Modernizacija jekonomiki i sistema cennostej [Economic modernisation and system of values]. Moscow: GU VShJe, 2003, 83 p.
15. Brady Rose. Kapitalism: Russia's Struggle to Free Its Economy. Yale University Press, 2000, 289 p.
16. Goldman Marshall I. The Piratization of Russia. Routledge, 2003, 304 p.
17. Graham Thomas E. Russia's Decline and Uncertain Recovery. N.Y.: Carnegie Endowment, 2002, 103 p.
18. Nussbaum Martha C. Frontiers of Justice: Disability, Nationality, Species Mem-bership. Harvard University Press, 2006, 487 p.

ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПОГРАНИЧНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ И МИГРАЦИОННЫЕ РИСКИ В РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Цзоу Лихуэй, аспирантка

Дальневосточный федеральный университет
Россия, Приморский край, г. Уссурийск, ул. Октябрьская, 71
E-mail: zouli2864@mail.ru

В статье рассматриваются территориально-пограничные противоречия и миграционные риски в российско-китайских отношениях. Данные вопросы играют важную роль во взаимоотношениях двух стран, являющихся соседями. Длительный период с многочисленными политическими, материальными и организационными трудностями процесс демаркации границы завершился в 1998 г. С этого момента Россия и Китай впервые в истории получили юридически оформленную, четко обозначенную на местности линию государственной границы. Китайские эксперты считают туманганский проект удачным примером взаимовыгодного сотрудничества в сфере логистики. В России формируется СЭЗ Хасан-Туманган, и строится крупнейший на Дальнем Востоке и в РФ многопрофильный международный торговый порт Зарубино. Также одной из ключевых противоречий в российско-китайском сотрудничестве, является проблема миграционной политики двух стран, угроза «китайской демографической экспансии», отсутствие эффективных политико-правовых форм решения миграционного вопроса и правовых механизмов обеспечения безопасности.

Ключевые слова: российско-китайские отношения, территориальные противоречия, демаркация границы, миграционные процессы, мигранты, международно-политическое взаимодействие, территориальные претензии, зоны развития Дальнего Востока

TERRITORIAL-BORDER CONTRADICTIONS AND MIGRATION RISKS IN RUSSIAN-CHINESE RELATIONS

Zou Lihui, postgraduate student

Far Eastern Federal University
71 Oktyabrskaya Str., Primorsky Krai, Ussuriysk, Russia
E-mail: zouli2864@mail.ru

The article tells us about territorial-border contradictions and migration risks in Russian-Chinese relations. These issues play an important role in the relationship of two countries located next to each other. The long process of demarcation of the border with many political, material and organizational difficulties ended in 1998. From this moment, it was the first time in the history when Russia and China received legally formed and clearly delineated line of the state border. Chinese experts believe that the Tumangan Project is a good example of mutually beneficial cooperation in the field of logistics. Nowadays FEZ Hasan-Tumangan is being formed in Russia. The largest international multi-trading Zarubino port is being built in the Far East and Russia as well. Also, one of the main contradiction in Russian-Chinese cooperation is the problem of migration policy of two countries, threat of Chinese demographic expansion, the lack of effective political and legal forms of decision of migration question and legal security mechanism.

Keywords: Russian-Chinese relations, territorial conflicts, the demarcation of borders, migration, migrants, international political cooperation, territorial claims, the zone of the Far East

Территориальные противоречия, безусловно, играли важную роль в российско-китайских отношениях. Многие годы внимание политических элит двух стран было приковано к территориальным претензиям. Ряд исследователей не без основания обращают внимание проблемы, связанные с демографическим дисбалансом и рисками территориальной целостности Российской Федерации.

Остановимся кратко на истории проблемы и политической эволюции ее решения. Длительный, изобиловавший многочисленными политическими, материальными и организацион-

ными трудностями процесс демаркации границы завершился установкой в 1998 г. последнего пограничного знака и подписанными в декабре 1999 г. в Пекине Президентом РФ Б.Н. Ельциным и Председателем КНР Цзян Цзэмином всего комплекса демаркационных документов. С этого момента Россия и Китай впервые в истории получили юридически оформленную, четко обозначенную на местности линию государственной границы.

Так, в России процессу демаркации границы предшествовали и сопутствовали многочисленные дискуссии и шумные протесты против передачи КНР отдельных участков российской территории. Временами они напоминали настоящую антикитайскую кампанию. Особенно были недовольны жители Приморья результатами демаркации границы вблизи реки Туманган, где в соответствии с Соглашением Китай получал теоретическую возможность выхода к Японскому морю через реку Туманную. В частности, статья 9 советско-китайского Соглашения от 1991 г. гласит, что «китайские суда (под флагом КНР) могут осуществлять по реке Туманная плавание... с выходом в море и обратно» [17].

Тревога общественности края, а также ряда специалистов была не случайна. Одни считали и считают, что в случае строительства Китаем порта в устье реки Туманной и углубления ее русла, Россия может потерять монополию на транзит коммерчески грузов, идущих из стран Японского моря в Европу. В случае освоения и использования китайского варианта доставки грузов в Европу, который на две тысячи километров короче существующего, российским портам на Дальнем Востоке, Транссибирской и Байкало-Амурской железнодорожным магистралям может быть нанесен громадный экономический ущерб [10, с.26].

Заметим, что ст. 9 соглашения 1991 г. декларирует только возможность выхода китайских судов в Японское море, но еще дает реальных прав и условий для ее реализации. В той же статье говорится, что конкретные вопросы, связанные с таким плаванием, «будут урегулированы по согласованию между заинтересованными сторонами» [17], т.е. Китаем, Россией и КНДР. Более того, в соответствии с договорами между СССР и КНДР «О прохождении линии советско-корейской государственной границы» от 17 апреля 1985 г. и «О режиме советско-китайской государственной границы» (вступил в силу 27 ноября 1991 г.) граница между Россией и КНДР проходит по середине главного русла реки (а не по ее фарватеру), и плавсредствами обеих сторон разрешается плавание только в своих водах до линии границы [16]. Это означает, что о свободном судоходстве по реке Туманной не может быть и речи.

Кроме того, любые работы на фарватере реки Туманной могут производиться – в соответствии с упомянутым выше договором о режиме границы между СССР и КНДР – только при наличии взаимного согласия российской и корейской сторон, но не по желанию китайской. «Положение и направление главного русла пограничной реки Туманная должно по возможности сохраняться в неизменном состоянии», – говорится в ст. 26 Договора ... – Возведение на пограничной реке Туманная новых мостов, плотин, дамб и других гидротехнических сооружений и их использование в каждом отдельном случае могут производиться только по взаимному согласию Договаривающихся сторон ... Отдельные участки русла реки подлежат очистке там, где это будет совместно признано необходимым сторонами» [16]. Следовательно, любое действие Китая на этом водном участке может быть чревато многими международными пограничными осложнениями. Поэтому, вряд ли Китай пойдет на это.

Китайская сторона неоднократно подтверждала, что у нее нет намерений строительства порта на реке Туманной. Официальные представители Китая и ООНовского Туманганского проекта заявляли, что планов строительства Китаем порта в этом регионе не существует. Причем, как утверждают аналитики, вопрос о строительстве Китаем порта, рассчитанного на Японское море, в устье реки Туманной, не ставился и не обсуждался ни на одном заседании Комитета по управлению Туманганским проектом и не упоминается ни в одном документе проекта [19, с. 136].

Таким образом, ни с правовой точки зрения, ни с технической точки зрения, нет никаких аргументов, чтобы доказать реальность получения Китаем выхода в Японское море в результате демаркации границы. Что касается военного судоходства по реке Туманной, это просто плод богатого воображения некоторых российских авторов, тем более, что эта река мелководная и не предназначена для судоходства.

Китайские эксперты, наоборот, считают туманганский проект удачным примером взаимовыгодного сотрудничества в сфере логистики [5, с. 32]. Здесь, считают они, на стыке трех государственных границ (РФ – КНДР – КНР) образуется широкая транспортная сеть, точка опоры для регионального сотрудничества, т.н. «золотой треугольник» района СВА. В Хуньчуне (КНР) есть китайско-российских железнодорожный пропускной пункт, есть два китайско-северокорейских пропускных пункта. Имея важное логистическое значение в транспортировке грузов (посредством морского, железнодорожного и автомобильного транспортного сообщения),

Хуньчунь объединяет в единую транспортную систему РФ, КНР, РК, КНДР и Японию. Эта система включает в себя следующие маршруты перевозок: маршрут контейнерных перевозок Хуньчунь-Бошет-Акито; пассажирские и товарные перевозки по маршруту Хуньчунь-Зарубино-Сокчо; маршруты Хуньчунь-Зарубино-Ниигата и Хуньчунь-Зарубино-Йомишима [4, с. 76].

Задуманный еще в начале 90-х гг. XX в. международный проект «Туманган» только в последнее время начал реализовываться. В Хуньчуне создана китайско-российская торговая зона; из Махалино в Хуньчунь построена железная дорога; в КНДР мощное развитие получил порт и СЭЗ Ранджин. В России, хотя не без трудностей и медленно, формируется СЭЗ Хасан-Туманган, и строится крупнейший на Дальнем Востоке и в РФ многопрофильный международный торговый порт Зарубино и т.д. Однако еще многое придется сделать, чтобы на стыке трех границ была сформирована мощная зона транснационального сотрудничества, где главными участниками, естественно будут КНР и РФ [18, с. 54].

По оценкам китайских экспертов, если все будет складываться благополучно в этом «золотом треугольнике», то после его окончательного открытия темпы экономического роста СВК вырастут на 18 %. А общий объем капиталовложений в строительство транспортных коридоров на границе с РФ к 2020 г. должно составить 90 млрд. юаней. А пропускная способность пунктов пропуска на государственной границе должна достичь 60 млн вместо 20 млн в 2010 г. [22, с. 357].

Другой проблемой вокруг демаркации российско-китайской границы многие годы остается вопрос о территориальных претензиях Китая к РФ. В определенных политических кругах России до последнего времени бытовало мнение, о том, что малоземельные китайцы постоянно мечтают вернуть земли, присоединенные еще царской Россией. Это мнение подогревается западными СМИ и некоторыми российскими исследователями, и экспертами. Еще в 1990-е гг. ряд российских китаеведов были убеждены, что китайцы едут в Россию с мыслями о том, что они селятся на исконно китайской земле. Например, главный научный сотрудник ИДВ РАН доктор исторических наук А. Яковлев в своей статье писал: «Опасность массового проникновения и оседания китайцев особенно велика потому, что инфильтраты убеждены, что они внедряются не на земле чужого государства, а на исторические территории Китая, всего 150 лет назад утраченные им» [24, с. 8].

Схожие утверждения можно было найти и в публикациях бывшего консультанта помощника Президента РФ по национальной безопасности С. Кортунова [7, с. 20], руководителя российской делегации на пограничных переговорах посла Г. Киреева [6, с. 17], в книге ведущего китаеведа В. Мясникова [9] и т.д. Справедливости ради, надо признать, что в последние годы таких оценок гораздо меньше. Абсолютное большинство российских ученых дают позитивную оценку демаркации российско-китайской границы. Ссылаясь на документы и факты, они считают, что миф о территориальных претензиях Китая к России во многом надуман. Эти претензии имели место раньше, однако постепенно Китай снял их. На самом деле китайское правительство еще в октябре 1969 г. сделало заявление о том, что правительство КНР «никогда не требовало и не требует возвращения территорий, отторгнутых царской Россией». На самом деле вопрос о захваченной царской Россией территории в официальных кругах, в СМИ Китая практически сегодня не поднимается. Да, он имеет место в отдельных научных дискуссиях, а также в частных разговорах на уровне обыденного политического сознания, но ни больше.

Однако, нам представляется, что оставшиеся территориальные противоречия в скором времени будут разрешены. Для этого утверждения есть все основания и факты: впервые в 400-летней истории двусторонних отношений между Россией и Китаем общая граница была установлена четко и по обоюдному согласию. К концу 2004 г. был уточнен 21 километр государственной границы, что составляет площадь в 1600 гектаров [23]. Не уточненными оставались только 6 км, а именно островов Тарабаров и Большой Уссурийский в районе города Хабаровска, а также острова Большой на реке Аргунь, по которым стороны согласились продолжить переговоры. Для окончательного решения этой проблемы оставалось сделать немного, все лишь решить вопрос о спорных островах, дополнить и откорректировать некоторые документы, а затем подготовить и заключить полномасштабный Договор о границе. Однако эти шаги были очень трудными. Потребовались огромные воля руководителей и прежде всего президента РФ В.В. Путина, которые пошел не на популярное в России, особенно на Дальнем Востоке решение.

Договор о границе готовился сложно, болезненно и был подписан на компромиссной основе. По нему китайской стороне передавался остров Тарабаров, а Большой Уссурийский был разделен на две части. Надо признать, что этот договор, как и другие российско-китайские документы о границе подписанные еще в 2004–2005 гг. получили неоднозначную оценку среди некоторых представителей политико-академического сообщества РФ, особенно на Дальнем Востоке. Так, губернатор Хабаровского края В.И. Ишаев демонстративно отказался от посе-

щения протокольных мероприятий во время подписания Дипломатического соглашения о российско-китайской государственной границе, на ее восточном участке [20]. Кроме того, значительная часть общественности Хабаровского края негативно оценила этот акт. И это не случайно, если учесть, что в России настроения недоверия и подозрительности относительно китайской политики складывались на протяжении длительного времени, и они не могли исчезнуть в одночасье.

В целом, отмечают аналитики, от подписанных документов, выиграла обе стороны и мир в целом. На самой протяженной в мире границе стало спокойно. После подписания этого Договора Пекин пошел на активную поддержку России по вступлению в ВТО, резко активизировал торгово-экономические, транспортные, культурные и гуманитарные связи с РФ и т.д.

Конечно, взрывоопасную пограничную проблему России и КНР удалось урегулировать, завершена демаркация всей российско-китайской границы. И с этой стороны можно считать данный вопрос закрытым, однако, с другой стороны, в долгосрочной перспективе определенные тревоги и опасения остаются, на это есть некоторые основания. *Во-первых*, как показывает история международно-политического взаимодействия, особенно в XX в., территориальные споры и противоречия возникают между отдельными странами периодически. *Во-вторых*, по оценке многих политических аналитиков руководство Пекина стабильно поднимает территориальные вопросы в своей политической деятельности. Возможны политические сценарии, при которых новое руководство Поднебесной внесет в свою политическую повестку дня претензии на территории Дальнего Востока.

Кроме того, в политическом прогнозировании нельзя также исключить, что появление новых территориальных и социально-экономических претензий возможно в связи развитием и укреплением потенциальной силы и веса КНР на международной арене. Не стоит исключать и того факта, что территориальный вопрос может быть использован китайским руководством для отвлечения внимания населения от внутренних проблем и трудностей, как ни раз уже было в прошлом. В настоящий момент нет гарантии, что новый режим, через 20–30 лет сменит нынешнее руководство в Пекине, и «развернет» внешнюю политику в другую сторону, сформулировав новые приоритеты и цели, которые приведут к охлаждению отношений с РФ и свертыванию стратегических программ межгосударственного сотрудничества.

Например, профессор Ю.М. Галенович полагает, что пограничная проблема не решена до конца, пока не подписан новый демилитационный договор [20]. Уже сегодня есть настораживающие факты свидетельствующие об этом. Не успела Россия передать китайской стороне половину острова Большой Уссурийский, как напротив Хабаровска стремительно растет полумиллионный мегаполис с хорошей инфраструктурой. При этом на многих пограничных реках и протоках, китайская сторона ускоренными темпами возводят дамбы и другие гидротехнические сооружения. Их цель понятна – намыть новые косы, острова, продвинуть берег реки. Одним словом, прирасти новыми территориями. Эти факты, конечно, не могут не настораживать руководство Российской Федерации, включая их число фактов, имеющих угрозу для национальной безопасности РФ.

Одной из ключевых противоречий в российско-китайском сотрудничестве, на которую указывалось выше, является проблема миграционной политики двух стран, угрозы «китайской демографической экспансии», отсутствие «серьезные трудности в экономической сфере», отсутствие эффективных политико-правового форм решения миграционного вопроса и правовых механизмов обеспечения безопасности [2, с. 32].

В целом миграционные процессы последних лет характеризуются этнической избирательностью: мигранты выбирают для переселения те регионы, в которых большинством населения являются представители их этноса [11, с. 140]. В результате этого численность представителей коренных национальностей резко возрастает, иной раз национальное меньшинство становится большинством. Одновременно происходит рост численности этнических диаспор из зарубежных государств, что приводит в ряде регионов России, прежде всего в приграничных районах Восточной Сибири и Дальнего Востока, к обострению криминогенной обстановки, возгоранию этнических конфликтов. Лица, приезжающие из ближнего зарубежья, особенно с криминальным прошлым, часто используют диаспоры как перевалочные базы и опорные пункты для своей преступной деятельности (транспортировки наркотиков, продажи оружия, угнанного автотранспорта и т.д.), что приводит к криминализации местных этнических группировок.

Конфликты мигрантов с местным населением мотивируют к объединению тех и других по этнокультурному, языковому принципу, способствуя вместо единения делению общества на «этнические кварталы». Особое место в вопросе этнической миграции занимает тема ухода русскоязычного населения из ряда субъектов Российской Федерации, что приводит к сепаратистским настроениям, экономическому и национально-культурному обособлению этих регионов.

Поэтому основополагающим фактором, способствующим решению миграционной проблемы, является формирование межгосударственных политико-правовых форм контроля за легальной и нелегальной миграцией, а также контроль над социальной и хозяйственной деятельностью граждан КНР на российской территории [8].

Источник напряженности в дальневосточном приграничье многие годы была миграция граждан КНР на Дальний Восток России. Еще в 1990-х гг. эта тенденция вызывала определенную тревогу значительной части местного населения [1, с. 40]. Однако достоверных данных подтверждающих обвинения целенаправленной демографической экспансии со стороны Пекина не было и нет, тем не менее, демографическая проблема остается на повестке дня российско-китайских отношений. Эта тема получила широкое освещение и в научной литературе (В.Г. Гельбраса, В.Л. Ларина, А.Г. Ларина, В.Г. Дацьшена, В.А. Ламина, С. Гончарова, В.И. Порякова, М.Л. Титаренко и др.). Вокруг этого непростого вопроса существует много спекуляций, в том числе со стороны не только российских СМИ, но и политиков и ученых. Многие из них поступают по принципу «лучше переоценить опасность, чем недооценить». Однако такой подход, на наш взгляд не только не продуктивен, но и опасен.

Обратимся к цифрам. Количество китайских мигрантов на Дальнем Востоке невелико, и оно исчисляется десятками тысяч, а не сотнями тысяч, как это иногда преподносят СМИ. Пик привлечения китайской трудовой миграции был зарегистрирован в 1992–1993 гг. Введение с начала 1994 года визового режима для поездок китайских граждан в Россию, ужесточение иммигрантского контроля и российского законодательства в части ответственности работодателей привели к тому, что по разрешению миграционной службы количество китайских гастарбайтеров, прибывших в приграничные регионы, существенно сократилось.

Так, в 1997 г. на территории Приморского, Хабаровского краев, Амурской области и ЕАО, находилось всего 8858 китайских трудовых мигрантов. Однако торгово-экономическое оживление после азиатского финансового кризиса 1998 г. способствовало некоторому росту китайской рабочей силы на Дальнем Востоке. В 2007 г. в упомянутых территориях ДВО находилось уже 54097 китайцев [12, с. 83].

В настоящее время на Дальнем Востоке наиболее многочисленные китайские общины располагаются во Владивостоке, Хабаровске, Уссурийске, Южно-Сахалинске и Благовещенске. Тем не менее, для сравнения отметим, что вместе взятое китайское население этих городов меньше чем, например, московская китайская община. Отметим, что в настоящее время Федеральная миграционная служба РФ не имеет точных данных о количестве мигрантов в России. ФМС представляются условные официальные данные порядка 12–14 млн человек. Конечно, по неофициальным данным экспертов это число в двое больше.

Отметим также, что количество мигрантов в современную Россию и Дальний Восток в частности начинает существенно сокращаться. Это связано с рядом факторов: *во-первых*, с экономическим кризисом 2014–2015 гг. И продолжающимся ухудшением социально-экономической ситуации в РФ; *во-вторых*, с правотворческими новеллами, изменившими миграционное законодательство РФ, согласно которому, как известно, иностранные граждане при получении разрешения на работу должны подтвердить знание русского языка, истории и действующего законодательства Российской Федерации [3].

В тоже время следует отметить, что в ближайшее время можно прогнозировать увеличение трудовой миграции из Китая. Такой вывод позволяет сделать утверждение программы предоставления жителям Дальневосточного региона по одному гектару земли для открытия фермерских хозяйств или иного бизнеса. Как известно, российский Президент полностью поддержал этот план и по мнению экспертов эта программа позволит сделать Дальний Восток ключевым экспортёром зелени и овощей. Поэтому число китайских иммигрантов в этом районе может увеличиться, поскольку они смогут арендовать землю у местного населения (передавать землю иностранным гражданам будет запрещено). Это также пойдет на пользу местному бюджету. Под эту программу уже подтвердил план по инвестициям Китайский банк развития, планирующий инвестировать в дальневосточные инфраструктурные проекты пять миллиардов долларов [15].

Кроме того, во время встречи вице-премьеров России и Китая в Пекине 11 декабря 2014 г. стороны договорились сотрудничать в вопросах развития российского дальневосточного региона: «Китай готов активно участвовать в строительстве зоны развития Дальнего Востока, – заявил китайский вице-премьер Ван Ян, – и в расширении взаимовыгодного сотрудничества с регионом в рамках трансграничного экономического и социального развития» [14].

Оправдана, наверное, тревога россиян за присутствие на Дальнем Востоке китайских легальных и нелегальных мигрантов, которых сложнее контролировать. Они уходят от уплаты налогов, нанося существенный экономический ущерб российскому государству. С целью ре-

гуляния этого процесса в 2012 г. было подписано российско-китайское Соглашение о сотрудничестве в борьбе с незаконной миграцией [13].

Таким образом, российско-китайское сотрудничество имеет не только национальное значение, с точки зрения обеспечения безопасности и суверенности двух государств в XXI в., но и обеспечивает создание межгосударственной платформы решения потенциальных и латентных противоречий и конфликтов с учетом стратегических интересов России и Китая;

Список литературы

1. Ван Хайюнь. Развитие китайско-российских отношений в новой обстановке // Русский научный журнал. 2014. № 5. С. 40–41. Яз. кит.
2. Вань Чэнцай. Восемь острых проблем России в углублении российско-китайских отношений. Китайские политологи об отношениях КНР с Россией и США. М., 2010. С. 31–44.
3. Великий китайский исход. Из-за кризиса китайская диаспора сокращается, а китайцы приезжают в Россию за покупками. Режим доступа: <http://www.gazeta.ru/social/2015/05/08/6679261.shtml>.
4. Гао Чао. Золотой треугольник района СВА в Хуньчуне (КНР) // Внешняя торговля Китая. 2006. № 3. С. 76.
5. Гоу Ли. «Зонтик сотрудничества» – новая модель развития и углубления китайско-российских отношений // Современные тенденции политического, экономического развития и проблемы управления в странах АТР. Владивосток: РАНХиГС при президенте РФ. Приморский филиал, 2014. С. 32–22.
6. Киреев Г. Стратегическое партнерство и стабильная граница // Проблемы Дальнего Востока. 1997. № 1. С. 17–18.
7. Картунов С. Россия ищет союзников // Международная жизнь. 1996. № 5. С. 20.
8. Муратшина К. Г. Становление и эволюция стратегического партнерства РФ и КНР в конце XX – начале XXI вв. Екатеринбург, 2014. 27 с.
9. Мясников, В.С. Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы XVII–XX вв. М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 1996. 482 с.
10. Некоторые проблемы демаркации российско-китайской границы. 1991–1997 гг. М.: Независимая газета, 1997. С. 26.
11. Овчинников А.И., Мамычев А.Ю., Кравченко А.Г. Основы национальной безопасности. М., 2015. С. 140–145.
12. Панкратова Л.А., Забияко А.Л., Кобызов Р.А. Русские и китайцы: этно-эмигрантские процессы на Дальнем Востоке. Благовещенск, 2009. С. 83.
13. По информации федеральной миграционной службы РФ. Режим доступа: www.fms.ru.
14. Рост китайского населения на Дальнем Востоке // China Daily (Китай). Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1422911940>.
15. Свободные земли будут способствовать росту китайского населения на российском Дальнем Востоке. Режим доступа: <http://inosmi.ru/russia/20150202/225989850.html>.
16. Собрание законодательства Российской Федерации. М., 1997. № 21.
17. Советско-китайское Соглашение о Восточной части границы от 16 мая 1991 г. Режим доступа: <http://www.rosgranitsa.ru/ru/node/3140>
18. Сотрудничество с зарубежными странами в будущем, создание мост с миром: Светлое пятно порта Хуньчуна // Наблюдение управления. 2014. № 2. С. 54–55.
19. Сун Найминь. Экономика стран СВА – анализы и прогнозы. Изд-во народов Цзилиня, 1999. С. 136. Яз. кит.
20. Тимофеев О.А., Грибова О.К. Некоторые проблемы истории формирования российско-китайской границы в новое и новейшее время // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2013. № 2 (25). Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-istorii-formirovaniya-rossijsko-kitayskoy-granitsy-v-novoe-i-noveyshee-vremya>
21. Тимофеев О.А., Грибова О.К. Системные факторы формирования российско-китайской границы в новейшее время: к 155-летию подписания айгуньского договора // Вестник АмГУ. 2013. Вып. 62. С. 53–57.
22. Ци Вэньхай. Новые стратегические идеи по укреплению китайско-российского сотрудничеству после мирового финансового кризиса // Стратегический партнерский диалог между Россией и Китаем. С. 356. Яз. кит.,
23. Чжу Чэнху. Отношения между державами, идущие в 21 век. Изд-во народов Цзянсу. 1999. № 3. С. 89. Яз. кит.
24. Яковлев А. Международная политическая обстановка в СВА и положение России в регионе // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 2. С. 8.

References

1. Van Hajjun'. Razvitie kitajsko-rossijskih otnoshenij v novej obstanovke [The development of Chinese-Russian relations in the new situation] // Russkij nauchnyj zhurnal [Russian scientific journal], 2014, № 5, S. 40 – 41.
2. Van' Chjencaj. Vosem' ostryh problem Rossii v uglublenii rossijsko-kitajskih otnoshenij. Kitajskie politologi ob otnoshenijah KNR s Rossiej i SShA. [Eight acute problems of Russia to deepen Chinese-Russian relations. Chinese political analysts about China's relations with Russia and the United States] - M., 2010. S. 31 – 44.

3. Velikij kitajskij ishod. Iz-za krizisa kitajskaja diaspora sokrashhaet-sja, a kitajcy priezzhajut v Rossiju za pokupkami [China's great outcome. Because of the crisis, the Chinese diaspora is shrinking and the Chinese come to Russia for shopping]. Rezhim dostupa: <http://www.gazeta.ru/social/2015/05/08/6679261.shtml>.
4. Gao Chao Zolotoj treugol'nik rajona SVA. V Hun'chune (KNR) [Golden Triangle area in Hunchun Northeast Asia (China)] // *Vneshnjaja trgovlja Kitaja* [China's foreign trade], 2006, №3, S 76.
5. Gou Li. «Zontik sotrudnichestva» - novaja model' razvitija i uglubljenija kitajsko-rossijskih otnoshenij [«Umbrella cooperation» - a new model of development and deepening of Chinese-Russian relations] // *Sovremennye tendencii politicheskogo, jekonomi-cheskogo razvitija i problemy upravlenija v stranah ATR. Materialy I nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnymi uchastnikami. RANHiGS pri prezidente RF. Primorskij filial. Vladivostok, 18-19 nojabrja 2014.* [Modern trends in political, economic and development issues-ment councils in Asia Pacific. Proceedings of the I scientific-practical conference with international-governmental participants. RANHiGS under the Russian President. Primorsky branch. Vladivostok, 18-19 November 2014.] S. 32-22.
6. Kireev G. Strategicheskoe partnerstvo i stabil'naja granica [Strategic partnerships and stable border] // *Problemy Dal'nego Vostoka* [Far Eastern Affairs], 1997, № 1, S. 17-18
7. Kortunov S. Rossija ishhet sojuznikov [Russia is looking for allies] // *Mezhdunarodnaja zhizn'* [International Affairs]. 1996. № 5. S. 20.
8. Muratshina K. G. Stanovlenie i jevoljucija strategicheskogo partnerstva RF i KNR v konce HH – nachale XXI vv. [Formation and evolution of the strategic partnership between Russia and China at the end of XX - beginning of XXI centuries.] : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk : 07.00.15 / K. G. Muratshina ; Ural. feder. un-t im. pervogo Prezidenta Rossii B. N. El'cina. Ekaterinburg, 2014. 27 s.
9. Mjasnikov, V.S. Dogovornymi stat'jami utverdili. Diplomatskaja is-torija ruskko-kitajskoj granicy XVII-XX vv. [Contractual articles approved. Diplomatic History of Russian-Chinese border XVII-XX centuries] M.: Izdatel'stvo: Institut Dal'nego Vostoka RAN [M.: Publisher: Institute for Far Eastern Studies,], 1996. 482 s.
10. Nekotorye problemy demarkacii rossijsko-kitajskoj granicy. 1991-1997 gg. Sbornik statej i dokumentov. [Some problems of the demarcation of the Russian-Chinese border. 1991-1997 gg. Collection of articles and documents] - M.: Nezavisimaja gazeta [M.: Independent newspaper], 1997. S. 26.
11. Ovchinnikov A.I., Mamychov A.Ju., Kravchenko A.G. Osnovy nacional'-noj bezopasnosti [National Security Basics]. M., 2015. S. 140 – 145.
12. Pankratova L.A., Zabijako A.L., Kobyzov R.A. Russkie i kitajcy: jetno-jemigrantskie processy na Dalnem Vostoke [Russian and Chinese: ethno-emigrant processes in the Far East]. *Blagoveshensk* [Blagoveshchensk], 2009. S. 83.
13. Po informacii federal'noj migracionnoj sluzhby RF [According to the Federal Migration Service of the Russian Federation] Rezhim dostupa: www.fms.ru.
14. Rost kitajskogo naselenija na Dalnem Vostoke [The growth of the Chinese population in the Far East]// *China Daily* (Kitaj). - Rezhim dostupa: http://www.centrasia.ru/news_A.php?st=1422911940.
15. Svobodnye zemli budut sposobstvovat' rostu kitajskogo naselenija na rossijskom Dal'nem Vostoke [Vacant land will contribute to the growth of the Chinese population in the Russian Far East]. Rezhim dostupa: <http://inosmi.ru/russia/20150202/225989850.html>.
16. Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii [Assembly of the Russian Federation]. M., 1997. № 21.
17. Sovetsko-kitajskoe Soglasenie o Vostochnoj chasti granicy ot 16 maja 1991 g. [Soviet-Chinese agreement on the eastern part of the border on May 16, 1991] - Rezhim dostupa: <http://www.rosgranitsa.ru/ru/node/3140>
18. Sotrudnichestvo s zarubezhnymi stranami v budushhem, sozdanie most s mirom: Svetloe pjatno porta Hun-chuna [Cooperation with foreign countries in the future, creating a bridge with the world: bright spot port Hunchun]//*Nabljudenie upravlenija* [Monitoring Control]. 2014. №2. S 54-55.
19. Sun Najmin'. Jekonomika stran SVA – analizy i prognozy [The economies of Northeast Asia - Analysis and Forecasts] Izdatel'stvo narodov Czilinja [Publisher peoples Jilin], 1999. S. 136. Jaz. kit.,
20. Timofeev O.A., Gribova O.K. Nekotorye problemy istorii formirovaniya rossijsko-kitajskoj granicy v novoe i novejshee vremja [Some problems of the history of the formation of the Russian-Chinese border in the modern and contemporary times]// *Ojkumena. Regiono-vedcheskie issledovanija*. 2013. №2 (25). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-istorii-formirovaniya-rossijsko-kitajskoy-granitsy-v-novoe-i-novejshee-vremja>
21. Timofeev O.A., Gribova O.K. Sistemnye faktory formirovaniya ros-sijsko-kitajskoj granicy v novejshee vremja: k 155-letiju podpisanija ajgungskogo dogovora [System factors of formation of the Russian-Chinese border in recent times: to the 155 th anniversary of the signing of the contract Aigun]//*Vestnik AmGU* [messenger AmGU]. 2013. Vypusk 62. S.53-57
22. Ci Vjen'haj. Novye strategicheskie idei po ukrepleniju kitajsko-rossijskogo sotrudnichestve posle mirovogo finansovogo krizisa [The new strategic ideas to strengthen the Chinese -Russian cooperation after the global financial crisis] // *Strategicheskij partnerskij dialog mezhdru Rossiej i Kitaem* [Strategic dialogue partnership between Russia and China]. S. 356. Jaz. kit.,
23. Chzhu Chjenhu. Otnoshenija mezhdru derzhavami, idushhie v 21 vek. [The relationship between the powers, reaching into the 21st century] // *Izdatel'stvo narodov Czjansu* [Publisher peoples Jiangsu], 1999, №3, S. 89. Jaz. kit.
24. Jakovlev A. Mezhdunarodnaja politicheskaja obstanovka v SVA i polozenie Rossii v regione [The international political situation in Northeast Asia and Russia's position in the region] // *Problemy Dal'nego Vostoka* [Far Eastern Affairs], 1995, № 2, S. 8.

**ОСОБЕННОСТИ АДАПТИВНОСТИ СИРИЙСКИХ ПОДРОСТКОВ
В ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СИТУАЦИИ²**

Карабущенко Наталья Борисовна, доктор психологических наук, доцент
Российский университет дружбы народов
Россия, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
E-mail: n_karabushenko@inbox.ru

Исмаил Аль Масри, аспирант
Российский университет дружбы народов
Россия, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
E-mail: ismael.almassri@mail.ru.

В данной статье будут раскрыты особенности адаптивности сирийских подростков в экстремальных, травмирующих ситуациях. В работе представлен обзор исследований по проблеме чрезвычайных ситуаций, дана характеристика и типология травмирующих событий, раскрыта специфика переживаний пережитой психической травмы. В работе представлены корреляционные связи между травматическими событиями и адаптивностью сирийских подростков, находящихся в лагере беженцев «Заатари».

Ключевые слова: адаптивность, бедствие, стрессор, травматический стрессор, экстремальная ситуация, критическая ситуация, трудная жизненная ситуация

**CHARACTERISTICS OF SYRIAN TEENAGERS' ADAPTABILITY
IN EXTREME SITUATIONS**

Karabuschenko Natalia B., D.Sc. (Psychology), Associate Professor
Peoples' Friendship University of Russia
6 Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russia
E-mail: n_karabushenko@inbox.ru

Al Masri Ismail, postgraduate student
Peoples' Friendship University of Russia
6 Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russia
E-mail: ismael.almassri@mail.ru.

This article describes characteristics of Syrian teenagers' adaptability in extreme traumatic situations. The overview of researches on the problem of traumatic situations, characteristics and the typology of traumatic events, the details of traumatic experiences are listed. It also presents the correlation between traumatic events and adaptability of Syrian teenagers in the refugee camp "Zaatari".

Keywords: adaptability, distress, stressors, traumatic stressors, extreme situations, critical situations, difficult life situations

В условиях нестабильности и военной напряженности человек оказывается лицом к лицу с опасностью. В данной ситуации активизируются потребности в самосохранении и защите близких людей. Последствия «Арабской весны» и войны в Сирии испытали на себе страны Европы, принимая каждый день потоки беженцев. Спасаясь от войны, люди оказались не готовы интегрироваться в новую среду. Травмирующие события прошлого отложили неизгладимый отпечаток на их психическом и физическом здоровье. В психологическом плане процесс реабилитационной работы с беженцами не является радужным и требует большой и системной работы. Особенно это касается детей и подростков, переживших тяготы войны. Подрастающее поколение в большей степени нуждается в психологической помощи.

В данной работе мы исследуем связь адаптивности личности с травмирующими ситуациями, пережитыми сирийскими подростками. Однако, прежде чем перейти к обсуждению результатов исследования, обратимся к теоретическим основаниям понятий «экстремальности» и «травмирующей ситуации».

Несмотря на большое количество разнообразных подходов к исследованию понятия «экстремальность», оно чаще всего трактуется через парадигму понятий «экстремальные условия», «факторы», «ситуации». Для более полного понимания термина «экстремальность» зарубежные ученые предложили довольно широкий терминологический набор: 1) стрессор (Н. Selye, 1956, 1974, 1976); 2) факторы, которые предъявляют индивиду требования, превы-

² Работа выполнена при грантовой поддержке по инициативным проектам подразделений в РУДН, проект «Этнокультурные ценности и мотивационные установки студентов международно-ориентированного вуза» № 051316-0-000. (This work was supported by grant initiative projects in the People's Friendship University departments, the project "Ethno-cultural values and installation motiatsionnye students an internationally oriented university" № 051316-0-000.)